

Николай Фотьев

ПОСЛЕДНЯЯ ЗИМА

фрагмент рассказа «Последняя зима»

из книги «Те далёкие свидания»

Матерью его была бурая медведица, отцом – чёрный уссурийский медведь – бродяга и разбойник. Родился он один и, видимо, поэтому был значительно крупнее обычных медвежат. А когда прозрел, достаточно окреп и заковылял за матерью по первой зелёной травке, она опекала его с такой заботой и нежностью, которых хватило бы на целый выводок. На следующий год у него тоже не было братьев и сестёр, и мать заботилась о нём по-прежнему.

Вырос он громадным и могучим. Когда вошёл в полную силу, соперники обходили его стороной, ибо метки, оставленные им на деревьях, красовались выше всех.

К осени, когда удавался урожай кедрового ореха и ягод, он отъедался так, что ходил, широко расставляя лапы и глубоко продавливая мох и рыхлую таёжную землю. Он легко раскидывал трупелый валежник, выворачивал старые пни, выкапывал запасы, накопленные бурундуками и мышами. Сколько таких ям – следы его поисков – осталось в тайге!

Из всех времён года самой желанной была осень. Прохладно, сухо, не донимает гнус и без труда можно найти пищу.

На ночь можно улечься где-нибудь в сухом распадке, заросшем вейником. Каждый год вейник поднимается высоко и густо, а к осени высыхает на корню и ложится, как чистая постель. Он знал много таких мест.

Он прожил почти двадцать лет, и только две или три зимы были тяжёлыми: из-за бескормицы не удавалось накопить достаточно жира, чтобы залечь, и пришлось бродяжничать.

И вот опять выдалась трудная зима. Лето было дождливым, промозглым, малоягодным, а кедры, чтобы защитить шишки от преждевременного опадания, сплошь залили их смолой. Даже когда начались осенние заморозки и оттепели, шишки, законсервированные смолой, держались крепко. Он был слишком громадным, чтобы лазить на кедры, как чёрные бело грудые медведи. Он не любил их, но и не трогал, если не донимал голод. А они старались не попадаться ему.

Он отправился на север искать голубичные мари и там запас немного жиру. А когда выпал снег, вернулся в кедрачи. Но шишки по-прежнему не падали. Пришлось приналечь на мышинные и бурундучьи гнезда. Конечно, заправился он недостаточно, но зимовать было можно. Бродяжничать не хотелось.

Поднявшись по весне, он обнаружил, что в кедрачах сильно наследили кабаны. Начали падать шишки, и кабаны теперь подбирали их. Он тоже пошёл собирать орехи. Потом пошла трава. Стало сытнее. Но теперь его тревожил любовный зов, и он отправился на поиски подруги, каждый день покрывая громадные расстояния.

Однажды он вышел на старые гари, примыкавшие к реке. Невдалеке маячили высокие каменистые сопки. Такие места любят изюбры. Сначала он слышал запах этих зверей да окрестных растений. Потом совсем близко почуял вдруг зверя, от которого однажды спасла его мать. Он уже плохо помнил его. Такие звери были редкостью. Круглая голова, жёлтые глаза, белесые усы, полосатая шкура. Он пошёл на запах и скоро увидел тигра. Теперь он казался значительно меньше, чем когда-то: нисколько, видать, не подрос с тех пор. А может это был другой тигр. Едва он зарычал на тигра своим низким утробным басом, от которого шарахалось всё живое, как тот, зарычав ещё более низко и раскатисто, напал на него. Сначала он удивился и даже испугался. А вслед за тем пришёл в страшную ярость. Долго теснил тигр, но потом начал быстро слабеть и отступать. А он, разъярённый и страшный, становился всё проворней и стремительней. Конечно, и ему

доставалось, но его шкура и кости были крепче, чем у тигра. А один из его ударов оказался роковым для тигра. Тигр пополз в сторону, волоча зад и перестав мотать хвостом. Борьба шла насмерть, и потому он добил тигра. Но и после того долго не мог успокоиться. На загривке дыбилась поседевшая шерсть, мускулы вздрагивали, у рта пузырилась кровавая пена. Плохо пришлось бы тому, кто попался бы ему сейчас.

Он походил вокруг мёртвого врага, злобно фыркая и прочищая ноздри и легкие от набившейся в них шерсти. Кругом была взрыта земля, поломан кустарник, темнели пятна крови, валялись клочья шерсти. Прокашлявшись и прочихавшись, начал было зализывать раны. Но почувствовав, как они саднят, опять разъярился и стал терзать труп врага. Скоро он отделил переднюю часть от задней и растащил их далеко в стороны. Потом опять прочищал ноздри. Пошёл на реку, искупался, отряхнулся и, сидя на галечной косе, стал зализываться. Успокоившись, ещё пошёл посмотреть, не ожил ли тигр.